

Хомякова О.Р., доцент кафедры русской и
зарубежной литературы БГПУ имени М.Танка

Стихотворения А.С.Пушкина: герменевтические этюды

«19 октября» (1825)

Стихотворение начинается картиной наступающей осени. Именно наступающей, а не наступившей. В каждой строке первой строфы на первый план выдвинут глагол, показывающий постепенный переход от одного состояния природы в другое: «роняет», «сребрит», «проглянет», «скроется». Пушкин воссоздает не статичную картину, а процесс, движение, изменение. Меняются краски (с багряной на серебристую), меняется освещение (все меньше становится дневного света), обнажается и увядает природа.

Уместность этой картины в стихотворении, посвященном очередной годовщине Лицея, определяется не только тем, что Пушкин видит за окном, но свойственным поэту динамическим восприятием мира. 19 октября неизменно собираются вместе «на братскую переключку» выпускники Лицея. И эта неизменность позволяет Пушкину воспринимать «день лицея» как своего рода точку отсчета в безостановочном потоке жизни. В стране своего детства ищет человек необходимую устойчивость, опору в чужом, иногда и враждебном мире с его «небратским приветом»:

Нам целый мир чужбина;

Отечество нам Царское Село

Утраты, обрыв связей, отмирание, отпадение от корней своих происходит как в природном («роняет лес...»), так и в человеческом мире («Со мною друга нет»). Образу «увянувшего поля» соответствуют образы подступающей к людям старости («мы вянем»). Обнажается лес, теряя листву; уходят навсегда («Увы, наш круг час от часу редет») те, кто когда-то беззаботно растрачивал жизнь:

Опомнимся – но поздно! И уныло

Глядим назад, следов не видя там

К естественным природным процессам старения и увядания в человеческом мире добавляется невнимательное отношение к собственной жизни («Свой дар как жизнь я тратил без вниманья»), суетность желаний, сокращая «прекрасное» для «шумного», рассеянного существования:

Служенье муз не терпит суеты;

Прекрасное должно быть величаво.

В сознании того, что жизнь не стоит на месте, видит Пушкин источник и утешения, и горечи. Уходят в прошлое ошибки и заблуждения юности: «Но юность нам советует лукаво...». Гонимые и изгнанные возвращаются к друзьям: «Промчится год, и с вами снова я». Но время несет с собой и старость и смерть. Образ одинокого человека, с «отрадой хоть печальной» проводящего день 19 октября, рисуется в начале и в конце стихотворения. В начале это сам Пушкин, ссылкой разлученный с друзьями и мечтающий о соединении с ними. В конце это тот последний, кто переживет своих товарищей, и будет вспоминать о «днях соединенья», не рассчитывая на встречу в этом мире. Пронизывающее стихотворение настроение «печальной отрады» создается именно этим сознанием преходящести земных радостей и печалей и непреходящести тех вечных ценностей жизни, ради которых и стоит жить. Каждому выпускнику Лицея «разный путь судьбой назначен строгой». Но и любимец фортуны Горчаков, и опальный поэт Пушкин, и В.Кюхельбекер, «брат родной по музе, по судьбам», могут сказать друг другу: «Все тот же ты для чести и друзей».

Как никто другой умевший дружить, Пушкин создает настоящий гимн дружбе, без которой жизнь холодна и пуста. «Пустынную келью» изгнанника согревает не только пылающий камин, но и «сердечный жар» воспоминаний о «друзьях моей души». Не случайно любимое обращение Пушкина к друзьям: «моя душа». В друге видел Пушкин родственную душу, в дружеском союзе – ту же нераздельность и вечность, которая присуща душе и духовному.

Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Он как душа неразделим и вечен

Для Пушкина Лицей – это прежде всего союз друзей, а наставники – люди, «хранившие юность нашу», давшие духовную подпитку этому союзу. Пушкин находит емкую формулу для выражения признательности («К устам подъяв признательную чашу») тем, кто сыграл какую-то роль в его жизни: «Не помня зла, за благо воздадим». Годы помогают понять даже тех, кто принес нам много зла. И виновники наших страданий не остаются неизменными. «Он человек!» - так объясняет Пушкин позицию сославшего его царя. Как человек, царь подвластен изменяющемуся времени: «Им властвует мгновенье». Играя словами «царь», «человек», «раб», Пушкин

прячет тонкую насмешку, градацией наименований Александра 1 развенчивая самодержца в раба. Как любой человек, царь бывает непостоянен и несправедлив, но в таком случае он превращается в «раба молвы, сомнений и страстей». Но Пушкин великодушен и к врагам, помня не только обиды, но и заслуги тех, кто его обидел: «Простим ему неправое гоненье: / Он взял Париж, он основал лицей». Мог ли знать Пушкин, что спустя столетия потомки будут вспоминать имя основателя лицея не само по себе, а в связи с его, Пушкина, именем. Другой великий поэт сказал: «В начале жизни школу помню я». Многим ли будет дано, чтобы их школу помнили через века, как вспоминаем мы Царскосельский лицей - школу, которая вырастила Пушкина.

«Пророк» (1826)

«Пророк» - стихотворение уникальное, подобного ему не найти во всей русской литературе. И стихотворением называть его не очень точно. Лирическое стихотворение – это выражение чувств, мыслей, настроений, переживаний, состояния человека. Событийность, сюжетность, повествовательность разрушительны для лирики, которая ориентирована на воссоздание эмоций в чистом виде. Лирический текст обнажает то, что происходит внутри человека и отталкивается от того, что происходит с человеком вовне. В «Пророке» библейский накал чувств скрыт во внешне бесстрастном перечислении действий, которые совершает над человеком посланец Бога. Изображается внешняя, событийная сторона - что переживает человек во время производимой над ним «кровавой операции», мы можем только догадываться. Когда описываются нечеловеческие мучения, невыносимые страдания, нет слов, чтобы передать состояние человека. Да и не нужны комментарии, когда говорится: «И сердце трепетное вынул». Боль, превосходящая возможности разумного понимания и сопереживания, может быть воссоздана только так.

Стихотворение уникально и потому, что имеет сюжет, и по тому поэтическому смыслу, который заложен в этом сюжете. «Пророк» - это лирическое повествование не о пророке, как следует из названия, а о человеке, который становится пророком. Кто может стать пророком? Для того чтобы к тебе явился посланец Бога, требуется, казалось бы, так немного – «духовная жажда», томление от ее отсутствия. Но потребность в духовности должна быть настолько сильна, чтобы духовно изголодавшийся человек оказался в состоянии уйти в «пустыню мрачную», свободную от земных привязанностей, отношений, привычек, удобств, благ. Именно тогда, уйдя от земных материй, но не обретя еще реалий духа, «на перепутье»

человек делает свой окончательный выбор, встречая «шестикрылого серафима».

В чем смысл действий божественного посланца? Он способствует полному перерождению несовершенной и греховной человеческой природы. Основной текст стихотворения представляет нам символическое изображение этапов духовного преображения, необходимых для обретения пророческого дара. У человека сохраняются самые внешние из его чувств, зрение и слух, необыкновенно обостренные волшебным прикосновением ангела. Но «грешный», «празднословный и лукавый» язык, но страстное, отзывчивое к суете, «трепетное» сердце несовместимы с миссией пророка. Их заменяют « жало мудрой змеи», «уголь, пылающий огнем». И собственной воли лишается человек. «Исполнишь волею моею», - зовет к нему «Бога глас».

В поэтическом сюжете «Пророка» содержится объяснение и оправдание призыва финальной строки. В.Шукшин считал ее самой поэтической во всей русской литературе, не ощущая в красоте воззвания угрозы человечности. Между тем это единственный исходящий от Пушкина призыв к насилию. Беспредельно чуткий к малейшим проявлениям несвободы, Пушкин все стихотворение выстраивает таким образом, чтобы эта последняя строка звучала естественно и не вызывала сопротивления. И в контексте стихотворения финальный призыв действительно не может вызвать внутреннего сопротивления даже у такого тонко чувствующего читателя, как Шукшин.

Так кто же может иметь право «глаголом жечь сердца людей»? Тот, кто сам прошел через нечеловеческую боль, через божественное очищение мечом и огнем, кто вместо сердца носит в груди божественный огонь, кто не сохранил в себе ничего эгоистического и мелкого, кто не имеет собственной воли, донося до людей волю Бога. Формула «Глаголом жги сердца людей» - это и есть тот идеал, к которому должен стремиться поэт. Но к идеалу этому ведет путь, полностью перерождающий человека, делающий его носителем высших ценностей.

«Я вас любил» (1829)

Пушкин дает своего рода эталон тех душевных движений, которые знакомы всем, но часто искажены фальшью, неискренностью, эгоизмом. Пушкинское стихотворение о безнадежной любви помогает понять, что настоящая любовь – это прежде всего отказ от эгоизма. Эгоистическое «я» во всем, даже в любви ищет лишь удовлетворения собственных потребностей и желаний. Подлинная же любовь бескорытна и самоотверженна. В

восьмистрочном стихотворении «Я вас любил» слово «я» повторяется 4 раза и везде поставлено в начале строки. Ср. у Жуковского: «Губительного я нет хуже в мире слова». Жуковский избегал употребления нелюбимого им слова и старался обойтись без него («Люблю тебя, дышу тобой»), делая акцент на «ты». Пушкин, выдвигая вперед «я», не выпячивает собственную личность, а лишь горько констатирует односторонность отношений, когда любовь исходит только от «я». Активно действующий субъект (подлежащее) в стихотворении только «я». Та, на которую направлено чувство, пассивна, не отвечает на любовь или уклоняется от нее. Отсюда – шестикратное употребление местоимения «вы», стоящего в косвенных падежах. Но активность «я» не разрушительна для «вы». С трепетной бережностью относится лирический герой стихотворения к женщине, которую любовь делает неприкосновенной. Он любит столь сильно, что готов уйти, держаться на расстоянии, когда замечает, что его чувство тревожит и печалит любимую. Из такого чистого и глубокого чувства естественно исходит и великодушное пожелание: «Как дай вам бог любимой быть другим».

Трижды повторенная форма прошедшего времени - «я вас любил» - создает впечатление, что речь идет об ушедшей или, по крайней мере, уходящей любви. Между тем, кроме прошедшего в стихотворении присутствует и настоящее («Я не хочу печалить вас ничем») и будущее («Как дай вам бог любимой быть другим»). Это уникальное совмещение в рамках небольшого стихотворения всех временных форм скрывает в себе чувство, не привязанное к какому-либо конкретному времени, свободное от временных границ, вечное. Уклевчивое и неопределенное «любовь еще, быть может...» заслоняется в сознании чуткого читателя признанием в непреходящести чувства, готового не выражать себя вовне во имя спокойствия той, кому оно не нужно: «Но пусть она вас больше не тревожит». «Она» (любовь) у Пушкина чужда агрессивной навязчивости, самоотверженна и бесконечна «Она» заставляет поэта писать строки прощания. Прощаюсь потому, что не люблю – понятно и привычно. Но какой трагической поэтичностью пронизаны строки, смысл которых – прощаюсь, потому что люблю. С какой силой выражает себя любовь в таком благоговейном уходе!

«Мадонна» (1830)

Стихотворение «Мадонна» начинается необычно для Пушкина, содержанием поэзии которого было утверждение и приятие жизни, - с отрицания и противопоставления. Множеству картин противопоставляется та

единственная, которую хотел бы поэт видеть в своем жилище. Множеству ценителей, знатоков и простых посетителей противопоставляется образ единственного зрителя, хозяина жилья. Антитеза многие – одна (один) определяет пушкинское понимание любви. Любовь предполагает выбор, исключаящий всех ради одной. «Одной картины я желал быть вечно зритель», - полюбив, я выбираю одну и навсегда («вечно»). Это мой выбор, и на него не влияют суеверное удивление посторонних, важные суждения знатоков. Я ищу не легкие отношения и временные удовольствия, а поэзию и красоту неспешной, чуждой суеты трудовой жизни («среди медленных трудов»).

Стихотворение называется «Мадонна», а на воображаемой картине представляются два образа. Это стихотворение об отношениях двоих, а потому на этой картине отсутствуют даже ангелы («Одни, без ангелов»). Величие («Она с величием»), разум («он с разумом») и кротость («Взирали, кроткие...») – тот идеал отношений, который видится Пушкину основой для семейной жизни. Пушкин воспевает не просто прекрасную женщину, но женщину, которую он хотел бы навсегда звать в свой дом. Ею он хочет «украсить» «свою обитель», ее он хочет видеть вечно «в простом углу» своем.

Дом, семейная жизнь – святыня для Пушкина. Отсюда обилие религиозной лексики в тексте. Верность традициям, нормам, передающимся от поколения к поколению, освящают отношения двоих, придают им прочность и устойчивость. Отсюда деталь – «картины старинных мастеров», задающая общий тон неспешного, размеренного течения времени, главные ценности жизни оставляющего неизменными. Спутницей своей жизни Пушкин видит женщину, достойную вечного преклонения, благоговейного почитания, данную Богом («Творец тебя мне ниспослал»). В ореоле чистоты и святости является поэту любимая. Красота, облагороженная чистотой («Чистейшей прелести чистейший образец»), - главное в избраннице Пушкина. Способностью остановиться невольно, «Благоговевя богомольно / Перед святыней красоты» («Красавица», 1832) отличается сам поэт.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829)

Человек живет во времени и пространстве. Для одних жизнь – это часы и дни, для других – годы и века. Так, осознавая краткость, скоротечность жизни, К.Н.Батюшков противопоставляет «веселый час» «векам»: «Ах, не долго веселиться и не веки в счастье жить» («Веселый час»). Бег времени видится поэту в образе погони за человеком безжалостного бога времени. И «пока бежит за нами Бог времени седой», человек должен успеть насладиться

жизнью. Осознает мгновенность жизни и В.А.Жуковский, но его выводы противоположны: «Что может разрушить в минуту судьба..., то на свете не наше» («Теон и Эсхин»). Жуковский призывает жить вечными ценностями и не унижать себя поисками «наслаждений минутных».

Одни не представляют жизни без движения, перемещения в пространстве, изменения места жительства или образа жизни. Другие, как деревья, вырастают корнями в тот кусочек пространства, на котором родились и вне которого не мыслят своего существования. Здесь Батюшков в стихотворении «Странствователь и домосед» и Жуковский в стихотворении «Теон и Эсхин» сходятся в своих предпочтениях устойчивого образа жизни и родного уголка. Оба ставят под сомнение позицию «странствователя», ищущего в чужих краях мудрости или «изменяющих благ».

Осознание жизни у Пушкина тоже происходит через «примеривание» себя к разным типам и проявлениям пространства и времени. Улицы или храм, лес или соседняя долина – это все то «место» в жизненном пространстве, которое лирический герой готовится уступить «младенцу милому», которое в свое время уступили ему самому «отцы». Можно выбрать динамический образ жизни («Брожу»), «Вхожу», «Сижую» - первые три строки стихотворения начинаются глаголом, частью речи, которая обозначает действие. Можно сопоставить движение («Брожу») и неподвижность («Сижую») как одинаково приемлемые варианты существования. Можно совместить внешнее движение, перемещение в пространстве («Брожу») и внутреннее движение, жизнь души («Я предаюсь моим мечтам»). Пушкин не противопоставляет динамику и статику, а совмещает их, дополняя одно другим.

И в отношении ко времени он столь же не избирателен, соединяя малые и большие единицы времени, тогда как Жуковский и Батюшков противопоставляют их. «Миг блаженства век лови»- напишет Пушкин в раннем стихотворении. «Каждый час уносит частичку бытия», - скажет он в последние годы жизни. «Миг» он неизменно соизмеряет с «веком», а «час» представляет как «частичку бытия». Правда, в юности время он считает необходимым заполнить поисками «блаженства». Зрелость же приносит сознание с каждым мгновеньем уходящей жизни.

Слова, обозначающие различные «частички бытия», в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» являются своеобразными «вехами» для движения поэтической мысли: «Годы», «час», «мой век», «век отцов», «время», «день», «година», «вечною», «вечны». Жизнь человека измеряется часами, днями или годами. Жизнь природы – веками. И «дуб уединенный»

переживает и «век забвенный» лирического героя, и «век отцов». Жизнь человека на земле, какое бы место он для себя ни выбрал, - не вечна. Это то единственное, что мы знаем с определенностью. Но мы можем только стараться «угадать» час и место («И где мне смерть пошлет судьбина?») ухода из жизни.

Вдумчивого читателя поражает целесообразность, неслучайность используемых поэтом образов. Кажется, что Пушкин использует первые пришедшие на ум слова и их легко можно заменить какими-то другими или даже отказаться от какого-то звена в цепочке перечислений. На самом деле, глубокого внутреннего смысла исполнено каждое слово. Но смысл этот по-настоящему постигается только в случае учета всех связей и отношений, которыми это слово объединено с другими. Так, в первой строфе образы «улиц шумных», «многолюдного храма», «юношей безумных» создают представление о множестве людей, которые бесконечно различны по своим характерам, видам деятельности. Это и просто прохожие, и те, кто молятся, и те, кто безумствуют. Но все они объединены одним: их жизнь, какова бы она ни была и на что бы ни была направлена конечна. С представлением о множественности, созданном в первой строфе, перекликается, акцентируя и суммируя его, строка второй строфы: «И сколько здесь ни видно нас». Третья строка второй строфы это значение объединения всех предстоящим всем концом подчеркивает («Мы все сойдем под вечны своды...»). А в последней строке опять проводится разграничение – «И чей-нибудь уж близок час». Но это разграничение иного характера, чем в первой строфе: не по жизненным ролям, а по времени конца, по своему смертному часу, разному для всех, разделяются люди.

В отличие от Жуковского и Батюшкова Пушкин не делает выводов из сознания конечности земного существования человека. Поэт далек от желания давать уроки жизни, читать мораль или предлагать практические рекомендации по использованию отпущенному человеку времени. Пушкин, как всегда, оставляет за читателем право самому извлекать (или не извлекать) выводы. В стихотворении просто сведены временность и вечность. «Память смертная», память о неизбежности смерти, о конечности человеческого существования на земле не оставляет поэта ни на минуту. И это само по себе несет великий смысл: можно прилепиться к земле, не думая о Небе, можно относиться к земной жизни как к не имеющей конца и обманывать себя, беспечно отодвигая неизбежное и прийти к неизбежному неготовым и растерянным. И это само по себе является внутренним предостережением от легкомысленного отношения к жизни. Человек, никогда не забывающий о

том, что, быть может, его последний час придет сегодня, не может жить бездумно. Попробуйте относиться к каждому мгновению жизни как к последнему – и вы поймете, как сразу возрастет ценность самого обыденного занятия, как неожиданно исполнится глубочайшего смысла все ваши действия и разговоры, все эти «брожу», «вхожу», «сизжу».

Как часто бывает у Пушкина, в последней строфе всплывает наиболее значимое слово первой, кристаллизуя поэтическую мысль стихотворения. Слова «вхожу», «вход» используются для обозначения границы между двумя жизненными пространствами, например, между улицей и храмом. «Гробовой вход» - это граница между пространствами жизни и смерти. С переходом этой границы от человека остается «бесчувственное тело», которому «Равно повсюду истлеть». «Гробовой вход» не имеет выхода, знаменует собой прекращение шума жизни. Не случайно улицы в первой строфе определяются эпитетом «шумные», контрастируя с вечным безмолвием, которое несет с собой смерть. Образ «гробового входа», замыкающий стихотворение, соотносится с многочисленными «входами» в жизни. Куда бы мы ни входили, этот наш вход может сказаться последним, «гробовым».

Почему никогда не оставляющее поэта ощущение возможной близости «гробового входа» нельзя назвать мрачным, тоскливым, обреченным? С другой стороны, не назовешь его и беспечно-равнодушным. У Пушкина «равнодушной» названа природа. Человек возвышается над «Красою вечною природы» своей способностью чувствовать, думать, переживать, сознавать конечность собственного существования. А вековечный дуб, «патриарх лесов», переживший многие поколения людей, может быть наделен «человеческим» эпитетом «равнодушный», но души он все-таки не имеет. Равнодушие природы противопоставлено в стихотворении великодушие человека, без истерики и отчаяния готового уйти из жизни, уступая место новым поколениям, подчиняясь неумолимому закону времени («Мне время тлеть, тебе цвести»). Не в силах человека преодолеть естественные законы природы, но человек может с достоинством уйти, смиряясь с неизбежностью своего ухода, не завидуя и желая блага тем, кто остается:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,

видя благо в непрерывности естественного развития никогда не прекращающейся жизни на земле:

И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

«Вновь я посетил...» (1835)

...Вновь я посетил

Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных...

Первые строки этого стихотворения — окно в мир, поэтически возведенный в текст. В них намечается тема и доминирующая интонация стихотворения. Из процитированных строк мы можем понять, что данное стихотворение о посещении места ссылки — Михайловского. В нем поэт вспоминает о событиях десятилетней давности: «Уж десять лет ушло с тех пор».

Можно ли понять узника, с грустной нежностью называющего свою тюрьму «уголок земли», а годы заточения определяющего как «два года незаметных»? Этот факт проясняется через пушкинскую формулу отношения к прошлому, прозвучавшую в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...» (1825): «Все мгновенно, все пройдет, / Что пройдет, то будет мило».

В стихотворении «Вновь я посетил...» жизнь осмысливается как движение во времени и пространстве. Каждый момент этого движения прекрасен как проявление потока жизни. Потому в тексте снимается противоречие между такими разными пространствами, как «опальный домик» и «иные берега, иные волны». В одном ряду представлены образы, рисующие роскошь и многокрасочность природы («нив золотых», «пажителей зеленых», «синяя стелется широко», «неведомые воды»), и образы, обнаруживающие убожество крестьянской жизни («убогий невод», «скривилась мельница, насилу крылья / Ворочая при ветре»).

Интонация воспоминания, встречи со знакомым («все те же», «все тот же», «по-прежнему», «знакомым шумом») и интонация узнавания нового, встречи с неизвестным ранее («неведомые воды», «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!») передают ощущения полноты жизни в привычных и неизведанных ранее проявлениях, в ее бесконечных повторениях и новизне.

В кольцевом обрамлении стихотворения («Вновь я посетил» — «с приятельской пирушки возвращаясь») представлена поэзия вечного возвращения как в индивидуальной судьбе, так и в судьбе поколений, что воссоздает естественный круговорот никогда не останавливающейся жизни.

Свою покорность «общему закону» Пушкин демонстрирует по отношению к жизни в ее вечной изменчивости: можно остаться «старым холостяком» — можно обзавестись семьей, как две сосны в отличие от их «угрюмого товарища», или как сам поэт.

Спокойное приятие неизбежного конца, отношение к смерти как к естественной необходимости вписываются в величественную и прекрасную гармонию пушкинского стихотворения как необходимый аккорд. Мир представлен как высшее единство, в котором каждое звено, каждый образ оправдан. И смерть не разрушает это единство постольку, поскольку человек не оставляет за собой пустоту.

Светлое умиротворение, неколебимое душевное равновесие, которыми проникнуто стихотворение,— следствие веры в мудрость и справедливость жизни. Величественным гимном вечно обновляющейся жизни звучат последние строки стихотворения, утверждающие идею торжества жизни: «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!» Память, духовная связь между людьми и поколениями — вот то главное, что дает силы с оптимизмом относиться к жизни и не бояться смерти. Жизнь не уходит бесследно, но остается в памяти: помнит о няне поэт, не сомневается он и в том, что его внук «обо мне вспомянет».

Человек в стихотворении представлен как часть природы. Природный способ существования, обновление жизни, осуществляемое через гибель старого и торжество нового, является общим и для поэта и для сосен, описываемых им. Кусты теснятся около старых сосен, «как дети», одинокая сосна стоит, «как старый холостяк». Одухотворенность проявляется в способности слышать, думать, помнить, сознавать духовную связь и преемственность поколений и непрерывность жизни, соотносить времена и пространства, любоваться красотой, наделять человеческими свойствами природу.